

Эльвира Селик

Я ТЕБЯ НЕ ПРОМЕНЯЮ

ЛЮБОВЬ ВНЕ РАСПИСАНИЯ

*Когда я тебя обнимаю,
всё остальное воспринимается
гораздо проще и кажется незначительным.
Ты права — главное, что мы вместе.*

16+

Эльвира Владимировна Смелик

Я тебя не променяю

Серия «Любовь вне расписания», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63507862

SelfPub; 2020

Аннотация

Саша Рыбакова хорошо учится и внешне очень даже ничего. Но таких, как она – тысячи. Почему же именно её внимания непременно решил добиться Герман Ланской? Потому что всегда привык получать желаемое? Он, конечно, не миллионер, но весьма обеспечен и успешен. А ещё чертовски обаятелен. От одного его взгляда легко потерять голову. Так может, Саше сильно повезло? Она вытянула счастливый билетик и дурой будет, если упустит предоставленный судьбой шанс? Но что если предполагаемая удача обернётся реальной бедой? Противостояние характеров, stalking, сложные ситуации и нелегкий выбор, настоящие любовь и верность.

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	23
5	31
6	37
7	43
8	48
9	54
10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эльвира Смелик
Я тебя не променяю

1

Из университета удалось выбраться только после семи, и Саша с Варей поняли, что до дома просто не дотянут, если прямо сейчас, вот именно в данный момент и даже не пятью минутами позже, хотя бы не сделают по глотку кофе. А ещё лучше – добавить к этому глотку какой-нибудь аппетитный десерт, можно достаточно скромный, но сытный. Тем более они определённо заслужили приятное вознаграждение после напряжённого учебного дня. И девушки, не сговариваясь, а просто с пониманием переглянувшись, направились в сторону ближайшей кофейни.

Они обнаружили её ещё в начале первого курса, и вот уже второй год время от времени осчастливливали своими визитами. Даже столик, если была возможность, выбирали один и тот же – в уголке возле огромного окна. Потому что в этом существовало дополнительное удовольствие: сгрузив в уголок диванчика рюкзаки и папки формата А2 и неспешно потягивая латте с нежной молочно-кофейной пеной или горячий шоколад с медленно тающими бело-розовыми островками маршмелоу, снисходительно взирать на людскую суету за стеклом.

Вот и сегодня всё шло как обычно. Тот самый столик, большая чашка латте, венские вафли со сливочным кремом, украшенные алыми полупрозрачными ягодами красной смо-

родины. В общем – блаженство. Но тут нарисовалась Дина, ураганом ворвалась в кафе, притягивая к себе общее внимание, и с её появлением изменилось всё. Действительно, всё. А ведь ни Саша, ни Варя даже предположить не могли, насколько это окажется значимым.

Дина Могутова училась с ними на одном курсе, и какой-то запредельной красотой не отличалась, зато уверенности в ней было выше крыши, что гораздо важнее и выгодно оттеняет даже самые скромные черты. Остальным столь полезного качества не досталось, зато не очень полезные – пожалуйста. Варе – излишняя критичность, язвительность и прямолинейность, Саше, наверное, излишние сдержанность и вдумчивость, а ведь всем известно, чересчур много думать по жизни вредно. Наверное, поэтому Дина и относилась к ним слегка покровительственно, будто старшая сестра, и называла, хоть и ласково, но всё равно немножко пренебрежительно: Варешкой и Рыбкой. Варю понятно, почему так, а Сашу – потому что фамилия у неё была Рыбакова.

Чаще всего они собирались именно втроём, даже здесь, в кофейне. Могли бы и сегодня, но Дина отказалась, сославшись на какие-то свои срочные дела, а вот теперь, похоже, передумала, пришла, соскучившись по привычной компании. Хотя нет, не соскучилась, её появление было вызвано совершенно другой причиной.

Следом за ней неторопливо шагал мужчина, определённо за тридцать, с первого взгляда цепляющий, нет, не красо-

той и даже не ярко выраженной брутальностью, чем-то ещё, необъяснимым, но безошибочно бьющим точно в цель.

– А мы увидели вас в окно и решили зайти, – сообщила Дина нарочито простодушно, подождала, когда её спутник подойдёт к столику, представила: – А это Герман. – И больше ничего добавлять не стала, но всё в ней и так слишком явственно кричало: «Да-да! Тот самый! Про которого я вам рассказывала. Убедились? Теперь вы убедились?»

Ну да, они помнили. Это случилось несколько дней назад во время большого перерыва, когда они втроём сидели на скамейке в скверике возле университета, наслаждаясь теплом, лёгким ветерком и ласковыми солнечными лучами. Дина, откинувшись на спинку, пялилась в небо с выражением счастливого блаженства на лице. Не часто она выглядела настолько довольной жизнью и, зная её, трудно было предположить, что причиной этого являлась исключительно хорошая погода, поэтому Варя и спросила:

– А ты чего сияешь, словно тебе уже до сессии все экзамены автоматом поставили? Или клад нашла?

Дина улыбнулась, широко и снисходительно.

– Какая ты Варежка догадливая.

– Чего? – Варя поражённо округлила глаза, в первую очередь подумав, конечно, про сессию. – Правда?

– Достойный мужчина дороже любого клада, – выдала Дина философски-назидательно.

– Ну-у! – разочарованно выдохнула Варя. – Опять дело в

парне. А я-то уж подумала.

– Значит, плохо подумала, – Дина фыркнула. – Ничего ты не понимаешь. Это не ваши сопливые мальчишки. Я же говорю, достойный мужчина. Всё при нём. И денежки тоже.

– Ой! – Варя, не сдержавшись, хихикнула. – Золушка встретила принца – сбылась мечта идиотки. Могутова наконец-то отхватила миллионера.

– Ну, не миллионера, – Дина, как обычно, гордо задрала подбородок. – Но у него свой бизнес. Очень успешный, между прочим.

Важно оттопырив губу, Варя с понимаем кивнула, но тут же предположила:

– Так он ещё и старенький?

– Почему старенький? – возмутилась Дина. – Тридцать с небольшим. Самое то. – Она свысока глянула на подругу: – Если б ты его видела, то не ржала бы тут и не задавала тупых вопросов. Он и сам весь такой и тачка у него крутая.

– Крутая – это какая? – подключилась Саша.

Не то, чтобы для неё это имело значения. В машинах она не очень-то разбиралась, знала самые известные марки, а вот об их престижности понятия не имела, поэтому спросила чисто из любопытства, а ещё чтобы отвлечь девчонок от этих угрожающих затянуться до бесконечности бессмысленных пикировок. Но, похоже, и Дина была не особо в курсе или толком рассмотреть не успела.

– Да не всё ли равно, как называется, – надменно заявила

она. – Когда по внешнему виду сразу понятно, что крутая. И имя у него не банальное. Герман. Ланской. Красиво же. – И напоследок привела ещё один значительный аргумент: – А в постели он вообще...

Видимо, подходящих эпитетов Дина так не нашла, поэтому воспользовалась многозначительной паузой и закатыванием глаз к небу, намекающим на улётное наслаждение. Но Варя опять не прониклась.

– А ты не удержалась и в первую же встречу опробовала?

– И что? – Дина начала потихоньку раздражаться. – По твоим понятиям полагается минимум месяца два из себя недотрогу строить. Типа, если по-настоящему любит, подождёт. Или год, лучше год, да? Ну давай.

Вообще-то она тоже не планировала спать с Германом почти сразу же после знакомства, но... Вот реально, как-то само получилось, настолько естественным показалось, когда он предложил, поехать к нему, прекрасно понимая, зачем, и всё позволить. Просто он действительно такой, вот – такой, которому невозможно отказать, потому что даже в голову подобного не приходит. А эти наивные глупышки, Варешка с Рыбкой, совсем ничего не понимают.

Варя постоянно влюбляется не в тех, а Сашка отхватила себе Костика Даньшина, вечного приколиста, и считает, что это и есть счастье. И, наверное, те самые правильные два месяца не подпускает его к телу, а он терпит и всё равно за ней бегают. Хотя такого бы Дина и через год не подпустила. Она

не дура и себе цену знает. А то, что Герман старше её лет на двенадцать-тринадцать, так его состоятельность и успешность этот недостаток благополучно компенсируют.

Только вот зачем она будет оправдываться и без конца объяснять? Лучше при первой же возможности покажет подружкам Германа. И ведь правда – показала.

Если честно, Дина сомневалась, что Герман согласится и потащится с ней в затрапезную по его меркам кофейню, но бросив короткий взгляд в окно, за которым маячили девчонки, тот произнёс:

– Ну, пойдём, познакомимся, если хочешь.

Дина решила, что это исключительно ради неё он настолько покладистый, и обрадовалась, заспешила, не дожидаясь, уверенная, что Герман идёт следом. И он шёл, конечно, а девчонки с любопытством уставились, увидев их. Рты от изумления правда не открыли. Дина всех представила, впросительном повороте посмотрела на Германа.

– Посидим?

Тот ответил вопросом:

– Тебе взять что-нибудь?

Она не удержалась, выдала, усаживаясь рядом с Варей:

– Как обычно.

Герман едва заметно улыбнулся, направился к стойке, а Дина, воспользовавшись моментом, победно глянула на подруг.

– Ну что?

Варя дёрнула плечом, проговорила как всегда с присущей ей чрезмерной критичностью:

– Мужик как мужик. Не в моём вкусе.

– Просто у тебя вкус дурной, – парировала Дина. – Да, Рыбка?

– А? – встрепенулась Саша, оторвавшись от экрана телефона. – Вы про что?

Дина поджала губы.

– Как тебе Герман?

Саша развернулась, ещё раз посмотрела на разговаривавшего с официантом мужчину, произнесла довольно равнодушно:

– Нормально. – Добавила чисто из вежливости: – Симпатичный.

А Дина тяжело вздохнула.

– Убери хоть телефон. Опять, что ли, Даньшин донимает любовными посланиями? Не надоел ещё?

Ответить Саша не успела – да и что тут ответишь? – вернулся Герман.

– Сейчас всё принесут, – сообщил Дине, обвёл взглядом сидящих за столом. – Я пропустил что-то интересное?

Присел на диван возле Саши. Та просто головой мотнула, отложила телефон, а Дина заверила:

– Да нет здесь ничего интересного.

Так и сидели, пили кофе, разговаривали, не слишком активно, потому что из-за присутствия Германа чувствовали стеснение. По крайней мере, Саша чувствовала. От того, что он сидел с ней на одном диване, от того, что иногда едва не касался локтем, пусть и случайно – всё-таки место за столи-

ком не так уж и много, — от того, что слишком часто она наткнулась на взгляд его свинцово-серых внимательных глаз. Не то, чтобы он был какой-то похотливый или бесцеремонный, но в нём легко читался интерес.

Непонятно, почему, но ощущение создавалось такое, будто постепенно Герман всё больше и больше заполнял собой окружающее пространство, привлекал внимание. А ведь вроде бы ничего особенного он не делал. Не болтал без перерыва, не донимал бесконечными вопросами, он вообще разговаривал негромко и сдержанно. Но голос его был каким-то странно вязким, и взгляд тоже. И улыбка.

Не удивительно, что Дина на него столь быстро запала. В обаянии ему не откажешь, как и в значимой для Могутовой уверенности. Но если у самой Дины уверенность была вызывающе-кричащей, то у Германа — спокойной и самодостаточной, пожалуй, даже давящей. Наверняка он всегда знал, чего хотел и как этого достичь. И достигал.

— Саша! — прорвалось сквозь мысли.

Или, скорее, не так. Плавно проскользнуло, овеяло лёгким порывом ветерка, только вот не прохладным, а жарким, невесомо коснулось уха. Победило не напором, а вкрадчивой мягкостью.

Как странно у Германа получилось её имя. Кажется, никто никогда не произносил его так, без всяким уменьшительно-ласкательных суффиксов придав ему особое нежное звучание. А серые глаза едва заметно улыбались.

– По-моему ты сейчас не с нами, а где-то далеко.

– Просто я задумалась, – оправдалась Саша.

– Да, – кивнул Герман. – Я об этом и говорю. Но было бы гораздо приятнее, – он сделал паузу, прежде чем добавить: – лично мне... – и снова пауза, с претензией на особую значимость, – если бы ты оставалась здесь и сейчас. Рядышком.

Она смутилась, почему-то смутилась, почти почувствовала себя виноватой, едва сдержала рвущееся с языка «Извините», опустила глаза, и стоило спрятаться от топкого серого взгляда, сразу подумалось: «Да какого чёрта?» И что ещё за «рядышком»? Такое же вкрадчиво завораживающее, как недавно прозвучавшее нежное «Саша».

– По-моему, нам уже домой пора, – напомнила Варя. Очень своевременно. – А то мы туда сегодня так и не доберёмся.

– Я вас подвезу, – тут же откликнулся Герман, но Варя невозмутимо заявила:

– Да мы и сами можем добраться.

– Ой, Варежка, – вмешалась Дина. – На твою самостоятельность никто и не покушается. Обычный жест вежливости. Сказано же, подвезём. Хватит уже выделываться.

Варя немного обиделась на дурацкое прозвище, произнесённое при постороннем, хмыкнула. Она-то прекрасно понимала, почему Дина поддержала Германа. Потому что полная презентация ещё не закончилась: подруга же хвасталась крутым мужиком с крутой тачкой, вот и собиралась проде-

монстрировать его в полном комплекте. Хотя смысл-то? Они с Сашей не слишком-то в машинах разбирались. Ну да, выглядела та внушительно: большая, удобная, чистенькая, узкий прищур фар на широкой серебристой «морде». Так ведь главное – ездит, а остальное – мелочи.

Забрались на заднее сиденье, а Дина, конечно, устроилась впереди, рядом с водителем, ещё и с таким видом, будто заняла своё законное место, конкретно для неё изначально и предназначенное. Назвали адрес, Герман на несколько секунд отвлёкся на навигатор, потом тронулись с места.

Пока ехали, в основном молчали, только Дина с Германом иногда перебрасывались короткими фразами, но ни Саша, ни Варя в них особо не вслушивались, смотрели каждая в своё окно и немного удивлялись непривычности маршрута. Слишком уж отличалась дорога на общественном транспорте от нынешнего пути, и конечный пункт тоже оказался странным – вроде бы обычный двор между домами, очень похожий, но явно не тот, хотя и смутно знакомый.

Герман остановил машину, произнёс спокойно и добродушно:

– Всё, Дин, приехала. Выходи.

Вот такого Дина не ожидала. Никак. Это сразу стало ясно по её лицу, изумлённо вытянувшему, по взгляду, полному неверия. Она решила, что, скорее всего, не расслышала, не так поняла, и вопросительно уставилась на Германа. Тот повторил, старательно растянув уголки губ в милую улыбку:

– Выходи. Вон твой дом.

– Но...

– Дина. В темпе.

Улыбка по-прежнему сияла, и голос Германа ничуть не изменился, был ровен и даже ласков, но, наверное, только бы полный идиот не распознал, что вся эта бархатная нежность чисто внешняя, а вот до Дины сразу дошло: её вышвыривают как котёнка, с которым уже наигрались. Возмущаться и качать права бессмысленно, ничего не изменится. Она и не стала. Зачем позориться и унижаться, напоминая о недавних свиданиях и близости, которые по-видимому мало что значили? Гордо вскинула подбородок, придала лицу невозмутимо-снисходительное выражение, изо всех сил стараясь создать впечатление, что ей всё равно, что «Да пожалуйста! Не очень-то и хотелось!», не торопясь, отстегнулась, вылезла из машины, всё молча, а когда та тронулась с места, резанула взглядом по оставшимся на заднем сиденье подругам.

– Наверное, нам тоже лучше выйти, – запоздало опомнившись, произнесла Саша. – Дальше мы и сами доберёмся.

– Ну нет, – мягко возразил Герман. – Так не пойдёт. Я же обещал довезти вас до дома. А обещания я всегда выполняю. Только адрес запомните.

Теперь двор был определённо тот, и машина остановилась возле нужного дома.

– Спасибо, – произнесли девушки почти одновременно, распахнули двери.

Герман тоже вышел. Варя церемонно выдала, качнув головой:

– До свидания, – двинулась к подъезду, а её подруга, чуть отстала, пока обходила машину, и попрощаться даже не успела, потому что Герман опередил, произнёс:

– Саша, можно тебя задержать?

Варя застыла, обернулась с озадаченным видом, но посмотрела не на него, а на подругу, одним взглядом задав сразу несколько вопросов: «Это ещё что? Останешься? Тогда, может, и мне тоже остаться? На всякий случай». Но Саша растерянно молчала.

– Пожалуйста, – добавил Герман, негромко и вкрадчиво. – Всего на несколько минут.

Отказать ему? Сославшись... ну, например, на то, что она устала и рассчитывает поскорее оказаться дома. Это почти правда, но причина ещё и в том, что Саша не очень-то ему доверяет. Пример Дины перед глазами. Хотя она сама точно не из тех, кто в первую же встречу ляжет в постель с мало-знакомым человеком. Но ведь и Могутова не совсем такая,

однако...

Очень хотелось узнать «Зачем?», но вряд ли Герман ответит, при Варе, недаром же просил Сашу задержаться. Чтобы остаться с ней один на один. Но, действительно – зачем? Это даже интересно. Всего же на несколько минут, а если позовёт куда-то, она с ним однозначно не поедет.

Герман не отводил вопросительного взгляда, но тот совсем не раздражал острой навязчивостью, был... У Саши не получалось подобрать точного определения. «Робкий» и «скромный» – это точно никак не вязалось с Германом. Если бы говорилось про голос, вполне подошло бы «тихий, бархатный, глубокий».

– Ладно, – согласилась Саша, посмотрела на Варю. – Иди. Я скоро.

Та поджала губы, но не возразила, а к подъезду не зашагала, а, скорее, попятилась, предполагая, что в любой момент подруга может передумать, задержалась в проёме, придержав дверь. А когда та всё-таки захлопнулась за её спиной, Саша спросила:

– И что вы хотели?

У Германа приподнялись брови, выразив то ли недоумение, то ли лёгкую обиду.

– Саша, а почему на «вы»?

– Потому что вы старше, мы малознакомы, – пояснила она. – Мне так привычней. – А потом добавила: – И удобней.

– А мне как-то не очень удобно, – Герман шутливо насу-

пился, между сведёнными бровями образовалась неглубокая складка. – И то, что старше, не всегда повод. – Он улыбнулся, и сразу лоб его снова стал правильно гладким. – Ну а то, что малознакомы, так это легко исправляется. Ведь правда?

Его голос приятно обволакивал, искренним, проникновенным интонациям легко верилось, и слова он говорил такие, которым не было смысла возражать.

– Ну да.

– Тогда, может, возьмём и исправим? Познакомимся лучше. Съездим куда-нибудь или просто прогуляемся, поговорим.

– Прямо сейчас?

Фразу Саша выбрала неудачную, просто сказала первое, что пришло в голову, не думая, а надо было, как и отыскать что-нибудь другое, более однозначное, исключаящее любую вероятность, а не предполагающее разные варианты, позволившие Герману подумать, что если не в данный момент, то вполне возможно потом. Хотя он не собирался ждать, проговорил невозмутимо:

– А почему бы и нет? Саша.

Раз за разом, при каждом удобном случае и без, он повторял её имя. Словно получал от этого удовольствие. И звучало оно всё так же чувственно и нежно, и тревожило, тревожило вдвойне: этой своей особой интонацией и тем, что невозможно было не проникнуться ею. Что-то внутри непременно отзывалось, притупляя трезвое восприятие, рождая желание

услышать снова и снова. И под его влиянием не так-то просто оказалось сказать:

– Если честно, я очень устала.

Выручило только то, что слова были придуманы заранее, хотя прозвучали они не слишком уверенно, и Герман наверняка это уловил, понял, что она сомневается, и всё-таки произнёс:

– Ну да, конечно. Когда устала, лучше всего пойти домой и как следует отдохнуть. Я согласен. А ещё я очень рад, что мы познакомились, – и, конечно, добавил: – Саша.

Он не делал резких стремительных движений, всё происходило почти предсказуемо, предчувствия успевали появиться, но, похоже, лишь для того, чтобы... чтобы понять, но не успеть возразить, а, возможно, и не захотеть возражать – уж слишком всё получалось последовательно и гармонично.

Тёплая ладонь на щеке – не горячая, а именно приятно тёплая – лёгкое прикосновение пальцев, проскользнувших сквозь пряди волос, осторожно обхвативших затылок. Другая рука легла на талию, вовсе не невесомо, а уверенно и твёрдо, привлекая поближе. И лицо совсем рядом, чуть приоткрывшиеся губы, искры электрического света, отразившиеся в металлическом блеске тёмно-серых глаз.

В одно короткое мгновение Саша почувствовала себя кроликом, безвольно застывшим под холодным взглядом удава. Или нет, скорее мышкой в лапах кота, пока ещё ласковых и

мягких, но – кто ж не знает про острые когти, спрятанные внутри?

А вот у Кости глаза золотисто-карие, и искры в них даже поздним вечером солнечные.

Костя.

Она стряхнула с себя наваждение и плавно вывернулась из рук Германа. Не сказать, что тот в ответ обиделся, разочаровался или сильно удивился. Он озадачился, слегка, и поинтересовался:

– Что-то не так?

– Не так, – подтвердила Саша. – У меня есть парень, и я его очень люблю.

Действительно любит, хотя ему ещё про такое не говорила, и теперь кажется несправедливым, что это признание первым услышал другой.

– Любовь – это прекрасно, – произнёс Герман. – Только вот жаль, что обычно она не отличается постоянством.

Интересно, и зачем он говорит все эти банальные пошлости? Чтобы лишить значимости Сашино чувство? Да ещё с таким философско-возвышенном выражением на лице, насмешливую снисходительность не сразу и разглядишь.

– Да и парень – величина переменная. Сегодня один, а завтра уже другой.

У остальных, возможно, и переменная, а у Саши – константа. Константин. Костя. И ничего менять она не собирается. И уши больше не развесит, не поддастся этому зачаро-

ывающему обманному обаянию.

– Я домой пойду.

– Да, само собой, – опять непредвиденно легко согласился Герман. – И мне очень импонирует, что ты вот так сразу сказала. Про парня. Не люблю, когда хитрят и притворяются. И я действительно рад, что теперь мы знакомы. Так что, Саша, до встречи!

Он развернулся, не дожидаясь её ответа, зашагал к машине, а она даже не сразу вникла в происходящее. Неподвижно торчала на месте, растерянно соображала. Запоздало выдала вежливое «До свидания» уходящему в спину, опять запоздало подумала: «Какое ещё «до свидания»? А тем более «до встречи». Не собираюсь я с ним больше видаться».

Герман сел в машину, отъезжая салютнул рукой, улыбнулся. Саша проводила его взглядом, неосознанно, само получилось. Вроде бы и смотрела вслед, а мысленно уже шла к подъезду. А спустя секунду уже и не мысленно.

Дверь лифта закрылась, и он, нервно дёрнувшись, медленно тронулся с места. Под его ровное шуршание хорошо вспоминалось. Саша прислонилась к мелко вздрагивающей стенке, поморщилась.

Опять представилось рядом лицо Германа, волнующий блеск серых глаз, прячущаяся в уголках губ улыбка. Всё это не столько увиделось, сколько вернулось в ощущениях. И ведь Саша с ним почти поцеловалась. Если бы не внезапная мысль о Косте, точно бы поцеловалась или, по крайней мере, позволила бы себя поцеловать, а Герман наверняка сделал бы это так, что просто невозможно не ответить. Конечно, никаких глупых мурашек по всему телу и ватной слабости в коленках от его близости она не почувствовала, но – всё равно. От его взглядов, голоса и движений сознание затягивал какой-то пьяный дурман, приятно возбуждающий и расслабляющий одновременно.

Ерунда какая!

А ещё подумалось, что Варя, не зашла в квартиру, а устроилась у подъездного окна и следила за происходящим внизу – так, на всякий случай, точно по той же причине, по которой намеревалась остаться на улице, когда Герман попросил Сашу задержаться. Но нет, площадка была пуста. Значит Варя терпеливо поджидала дома.

Они не родственницы, просто однокурсницы, и ещё оказались соседками по комнате в общежитии. Но так было в прошлом году, а теперь они жили в одной квартире, не съёмной, но почти. Тут очень сложная цепочка получалась.

Квартира принадлежала двоюродной сестре давней подруги Сашиной мамы, но та уже второй год работала по контракту в другом городе. Сдавать её кому попало хозяйка не хотела, как и оставлять пустой, потому что существовали особые сложности в виде нескольких прихотливых орхидей и большого аквариума с крупными жёлтыми цихлазомами. Вот она и искала кого-то надёжного, кому можно было доверить свои живые сокровища, и тут удачно подвернулась Саша, которая и не подумала возразить.

Всё лучше, чем в общежитии, да и условия более чем приемлемые – оплачивать коммуналку, поддерживать порядок, правильно поливать цветочки и ухаживать за рыбками. Ещё и подругу разрешалось прихватить с собой, чтобы было спокойнее и веселее.

Шумная многолюдная общежития с бесцеремонными обитателями, уверенными что в любой момент они могут завалиться к кому угодно и им будут несказанно рады, утомляла и раздражала Варю, а на съёмную квартиру не хватало средств. Их и на учёбу уходило слишком много: графический планшет, бумага, краски, кисти, особый пенопласт для объёмных моделей. Да много ещё чего. Три раза в неделю по вечерам Варя подрабатывала в пункте выдачи интернет-за-

казов сетевого гипермаркета техники, и родители, конечно, помогали, но отдельная жилплощадь ей всё равно не светила. И это она сама попросила Сашу взять её с собой, а та опять не возразила, потому что вдвоём реально надёжней и удобней.

Она ещё и дверь за собой запереть не успела, а Варя уже возникла в прихожей, проговорила озадаченно:

– Как-то ты быстро.

Саша неопределённо пожала плечами, но подруга подобным ответом не удовлетворилась.

– И что там было?

– Ничего особенного. Просто поболтали.

Варя как-то странно посмотрела, наклонила голову к плечу. Возможно, она и правда наблюдала в окошко, не в подъездное, так в любое из двух в квартире, и тогда наверняка знала, что не просто болтали, но подлавливать на вранье не стала, сама сменила тему.

– На ужин чего-нибудь готовить будем?

– А есть чего? – поинтересовалась Саша.

Обычно в магазин они заходили по дороге из универса, но сегодня – промчались мимо, даже не вспомнив, а тащиться до него теперь, когда уже дома, не слишком-то хотелось.

– Макароны есть, котлеты в морозилке, – доложила Варя. – Я их уже достала. Пойдёт?

– Ага, – согласилась Саша, протопала на кухню, вынула из шкафа сковородку, включила плиту.

Варя набрала воду в кастрюльку, водрузила её на конфорку, развернулась к Саше и неожиданно произнесла:

– А как он Могутову-то. Одним щелчком. «Дина, брысь! Пшла вон!» А она уж поди за него замуж собралась.

– Ага, – опять согласилась Саша, но без всякого воодушевления.

Обсуждать случившееся совсем не хотелось, даже с Варей. Даже с собой. Правда последнее вряд ли получится, и мысли всё равно придут, но пока удавалось их отодвигать, думать – да вот хоть про макароны с котлетами, про то, как вышло, что они с Варей живут в одной квартире, и почему та сейчас слишком громко вздохнула.

Нет, про это не надо, и так понятно. Потому что ей хотелось поболтать: про Дину, про Германа, про Сашу, выяснить, кто что чувствовал и предполагал. Значит, лучше опять поменять тему.

– Не помнишь, когда мы орхидеи последний раз опрыскивали?

– Вчера, – разочарованно выдала Варя. – И опрыскивали и рыбок кормили. – И опять вздохнула, окончательно убедившись, что нужного и интересного ей разговора в данный момент не получится. Но надежда осталась, на то, что когда-нибудь при более благоприятных обстоятельствах получится его продолжить. И, между прочим, долго ждать ей не пришлось.

Утром, как обычно, отправились в универ. Пока спуска-

лись на лифте, где-то глубоко в сознании Вари на секунду вспыхнула бредовая мысль, что, возможно, сейчас они опять увидят знакомую тачку во дворе, но делиться ею с Сашей она не стала. Да и нужной тачки во дворе, конечно, не нашлось. Стояли всё те же, припаркованные жильцами, да ещё совершенно незнакомый парень. С корзиной цветов.

Он повернул голову на звук открывающейся двери, мельком посмотрел на выходящих, перевёл взгляд дальше, на дом, на перспективу улицы, а потом, словно опомнился, дёрнулся, опять уставился на девушек, теперь уже крайне внимательно, а напоследок и вовсе двинулся им навстречу. Подошёл, остановился, перегородив путь, сначала ещё раз оценивающе глянул на Варю, а после на её спутницу. К ней и обратился:

– Это ведь ты, Саша?

– Я, – подтвердила та.

– Тогда, – парень выставил перед собой корзину, – это тебе.

– Мне? – удивлённо переспросила Саша.

Парень кивнул.

– Держи.

– Почему? От кого? – продолжала она недоумевать, но при этом всё-таки взялась за плетёную ручку.

Вместо ответа парень только широко улыбнулся, убедившись, что корзину Саша ухватила крепко, убрал руки, отступил на шаг и, развернувшись, торопливо зашагал прочь.

Девушки растерянно переглянулись, потом посмотрели на цветы.

Розы, не белые, не красные и не розовые, нежно-кремовые, в сочетании с зелёными веточками и мелкими цветами. Красиво. Очень.

– Тащи скорее домой, – опомнилась Варя, торопливо снимая с плеч рюкзак и вытаскивая из него ключи. – А то опоздаем.

Саша выхватила ключи из её ладони, понеслась к подъезду. В квартиру проходить не стала, оставила корзинку прямо на полу в прихожей, на прощание ещё раз глянула на розы. Запыхавшись вылетела на улицу, и Варя тут же подхватила её под руку, потащила за собой в сторону остановки.

– Обалдеть, сюрприз! Думаешь, от кого?

– От Кости, – мгновенно выдала Саша, но уверенного утверждения не получилось, всё равно закрались вопросительные интонации.

– Да ну, – отмахнулась Варя. – Даньшин бы сам припёрся и, максимум, с единственным цветочком.

И она была права. А вариант остался всего один, только озвучивать его девушки не спешили, хотя каждая прекрасно понимала, о чём думает другая.

Герман. Он. Почти никаких сомнений. Только вот...

– Ты ему что-то пообещала? – одновременно озабоченно и удивлённо поинтересовалась Варя.

– Ты чего? – возмутилась Саша. – У меня же Костя есть.

– Тогда к чему эти цветы?

– Не знаю. Я и ему про Костю сразу сказала.

– А он? – забираясь в подкатившую маршрутку, продолжала выпрашивать Варя.

– Тоже что-то сказал. Я не помню.

– Так вспомни.

– Ну зачем? – Саша огляделась по сторонам. Никто на них не смотрел, не выказывал особого любопытства, но она всё равно ответила, насколько возможно тихо. – Какая разница? Что-то типа «Это не имеет большого значения. Парень не стена, можно и подвинуть».

Они устроились на свободной площадке возле перегородки, отделявшей салон от места водителя, отвернулись к окну.

– Ой, Саш. А если Герман на тебя по-настоящему запал?

– А такие могут?

– Ну, не знаю, – задумчиво протянула Варя. – Чудеса иногда случаются. Вон Дине-то он букетов не присылал. Иначе бы она точно похвасталась. И я бы похвасталась. Круто же. Совершенно не ожидаешь, выходишь утром, а тут тебе – цветы. Эффектно.

Саша кивнула, а Варя, ободрённая её согласием, только ещё сильнее разошлась.

– А представь, вдруг у него какая-то давняя душевная травма, из-за которой он и стал таким бесчувственным и циничным. А в твоё присутствие его замёрзшее сердце оттаёт, – увлечённо живописала она, театрально прижав ладонь к гру-

ди, медленно покачивала головой, но с трудом сдерживала ироничную улыбку. – Он отогреется душой и превратится в милого котика. Мур-мур-мур, любовь-морковь, свадьба-деточки и полный хэппи.

Саша фыркнула.

– Так, может, сама и поработаешь для него батареей? Рас-топишь.

– Я-то при чём? – воскликнула Варя с нарочитым негодованием и тут же стала совершенно серьёзной. – Ему только ты нужна.

– Почему? – поинтересовалась Саша, даже не столько у подруги, сколько вообще. У мироздания, что ли. Потому что Варя вряд ли могла ответить точно, она так и сказала:

– Ну, я-то откуда знаю.

На Дину они наткнулись возле гардероба, та стояла перед зеркалом, поправляла волосы, но, скорее всего, специально их поджидала. Увидела, что они подходят, тряхнула головой, посмотрела свысока:

– Ну и как? Он сразу с вами двумя? Или на этот раз с одной, а с другой – в следующий.

Варя поджала губы.

– Могутова! Чего ты несёшь-то? От обиды крыша поехала? – Она глянула на Сашу, будто согласовывая с ней следующую фразу, произнесла убеждённо: – Довёз до дома и указал. – И опять глянула.

Хотела, чтобы та сама решила, стоит ли рассказывать более подробно. Про её короткое общение с Германом один на один, про утренний сюрприз. Или намекала, что обо всём этом упоминать как раз не стоит? Саша предпочла молчание, точнее, независимо дёрнула плечом, перекидывая через него лямки рюкзака.

Дина смотрела недоверчиво и чересчур пристально, по лицам пытаюсь определить говорят подруги правду или обманывают, но, похоже, так ничего точно и не решила, на всякий случай сохранив выражение обиды, зашагала рядом. Всё равно у них сейчас общее занятие – лекция по истории искусств. А вообще-то они в разных группах. Варя с Сашей в

бюджетной, а Дина в той, где учатся по договору.

Пока поднимались по лестнице, а потом шли до нужной аудитории, Варя назидательно вещала:

– Дин, а что ты вообще от такого, как Герман хотела? Неужели рассчитывала на что-то серьёзное? Что он тебя своей постоянной девушкой сделает, содержать станет. Может, раньше я бы тебе и поверила, пока его не увидела, но теперь... – Она остановилась, повернулась к собеседнице. – Вот скажи, он тебе хоть раз цветы подарил?

Дина снисходительно хмыкнула.

– Да нужны мне какие-то цветы. Мы с ним в ресторан ходили. Несколько раз.

– И в баню?

Тут даже Саша удивилась, не только Дина.

– Баня-то при чём?

– Ну как? – хихикнула Варя. – Накорми, напои, в баньке попарь, в койку уложи. Стандартный ритуал. – Она зашла в лекционную, выбрала стол и, пока пробиралась вдоль ряда, продолжала: – Дин, да ты же сама всё прекрасно понимаешь. У него таких как ты было, есть и будет – без счёта.

Ту задело, сразу заметно, по тому, как она грохнула на столешницу сумку, как резко с шумом отодвинула стул.

– Давно ли ты в мужиках разбираться начала? – Дина смерила Варю пренебрежительным взглядом, уселась и добавила с твёрдой убеждёностью: – А таких, как я, не будет. И не было. Я-то, в отличие от тебя, знаю, что делать.

– И что? – Варя прикинулась не на шутку заинтересованной. – Ну, расскажи. И Саша послушает. Вдруг пригодится.

Саша расстегнула стоящий на коленях рюкзак, закопалась в нём в поисках нужной тетради. Хотя на самом деле тоже прикинулась, что слишком занята этими поисками. Не очень-то уютно было сидеть между спорящими, на пересечении реплик и взглядов, на пересечении ситуаций, прекрасно понимая, что всё произнесённое касается и тебя, хочешь ты или не хочешь. Варя же не даром раз за разом приплетала её имя. Может, вообще с трудом сдерживалась, чтобы всё-таки не посвятить Дину в подробности их вчерашнего расставания с Германом и его последствий.

Скорей бы уж преподаватель пришёл.

– Варешка, понимаешь? – Дина сумела взять себя в руки, снова принять обычный покровительственный вид, повела рукой. – Я бы тебе рассказала, мне не жалко. Только смысл? Воздух зря сотрясать, слова тратить. Ты же всё равно опять в какого-нибудь недоумка втрескаешься, а с ним и твои обычные методы прокатят. Да такие и сами, как мухи липнут. От них только отмахивайся. Но вот если встретишь нормального мужчину, тогда и обращайся. А то ведь всё равно забудешь. – Она поймала момент, когда Варя, внимавшая ей с возведёнными к потолку глазами, до автоматизма отработанным движением вытащила ручку, открыла тетрадь. – Или ты конспектировать собираешься?

– Девчонки, ну хватит вам! – не выдержала Саша, развер-

нулась, повесила на спинку стула рюкзак, сообщила почти обрадованно: – Вон препод уже пришёл. – И тоже открыла тетрадь.

Последние пары у них не совпадали, поэтому и домой отправились не вместе, но, может, и к лучшему, иначе бы Дина с Варей опять принялись подкалывать друг друга и пикироваться, и уж тогда точно – до ссоры.

Когда переходили через дорогу, услышали автомобильный гудок. Знакомая машина подкатила к тротуару, передняя дверь распахнулась.

– Саша, добрый день! – произнёс Герман, не выходя из салона, а Варе просто кивнул мимоходом, скользнув равнодушным взглядом. – Ты получила мой букет?

– Да, – спокойно ответила Саша, добавила вежливое: – Спасибо. – И не сдержала недоуменного и даже немного осуждающего вопроса: – Неужели вы приехали только затем, чтоб об этом спросить?

– Не совсем, – возразил Герман. – У меня тут магазин недалеко. Я здесь частенько проезжаю. Хотя, – внезапно он передумал, признался честно: – да! – И улыбнулся.

Насколько же очаровательной была у него улыбка. Мягкая, светлая, искренняя. По крайней мере, казалась искренней, потому что отражалась в глазах. Не отреагировать на неё трудно, трудно не улыбнуться в ответ или хотя бы проникнуться, размякнув хоть немного от её лучистого тёплого сияния.

– Увидеться с тобой я тоже рассчитывал, – продолжил Герман. – И, если ты согласишься, – она сделала паузу, специально, чтобы Саша успела предположить и ошибиться, – подвезти до дома.

– Я с Варей, – напредила она, а Герман невозмутимо развёл руками.

– Так разве места на всех не хватит? Садитесь.

Очень хотелось отказаться, но вроде бы не было для этого уважительных причин.

– Ну, чего вы? – поинтересовался Герман. Теперь его улыбка стала чуть ироничной, как бы спрашивающей: «Неужели боитесь?»

Саша тихонько хмыкнула, принимая негласный вызов. Хотя глупо, конечно, вот так вестись на детскую подначку, а разумное осознание как обычно приходит с задержкой – нет ничего предосудительного в отказе, даже если не находишь для него убедительных вежливых объяснений, даже если он на уровне «просто не хочется, и всё».

Подъехали к дому, и Саша снова предположила, Герман, как вчера вечером, попытается её задержать, уговорить на свидание, а он только широко улыбнулся, опять салютнул на прощание. Она так и не разобралась толком, какое испытала чувство: облегчение или разочарование? Неужели второе тоже? А дома, ещё и не вошли как следует, но уже наткнулись на корзину с розами. Варя застыла над ними.

– Интересно, а что он дальше придумает?

– Ты думаешь, будет и дальше?

– Ну, он же сам сказал, что специально прикатил к универу. Ради тебя. Подвёз.

– Не совсем специально, – поправила Саша. – И ведь просто подвёз и всё.

– Ну, вообще-то, – многозначительно начала Варя, – лично я бы к нему в машину и садиться не стала, сказала бы: «Спасибо, но я лучше своим ходом». Если бы ни на что не рассчитывала.

– А я как раз и не рассчитываю, – торопливо заверила Саша, – просто не сообразила сразу. И, ты же знаешь, у меня Костя есть.

– Знаю, – подтвердила подруга. – Но... – она неуверенно замялась, – я, может, ошибаюсь, но правда, выглядит немножко, ну-у... странно. Что ты вот так сразу резко про Костика вспоминаешь. Будто пугаешься и прячешься за него.

– Чего пугаюсь?

– Своих мыслей. Или чувств. Словно ты тоже к Герману равнодушна, но признаться в этом не хочешь. Даже себе.

Саша не стала восклицать: «Да ты что? Нет! Ничего подобного! Бред!», вздохнула, пробормотала растерянно:

– Я просто... просто не понимаю, как относится. К такому.

Саша подхватила корзину с цветами, отнесла её на кухню, поставила на подоконник, за полупрозрачную тюлевую штору, застыла, глядя в окно на двор. Не в желании увидеть машину. Без цели.

А если Варя права? И именно потому она не торопится сказать однозначное окончательное «нет», такое, чтобы сразу стало понятно, отношения между ними невозможны ни при каких условиях, а нарочно дразнит Германа. Потому что ей хочется, чтобы он её добивался, ей импонирует его внимание, а, значит, и он сам. А Костя, действительно, всего лишь дополнительная защита, чтобы дольше держать оборону, чтобы ещё немного поиграть в эту увлекательную волнующую игру, осознавая как никогда свою особую женскую силу.

Саша попыталась представить их одновременно, сравнить. Нет, не для того, чтобы оценить и выгодно выбрать. Потому что – так уж получилось, опять она между двумя, но теперь это не ссорящиеся подруги. Два мужчины, которые хотят находиться рядом с ней.

С Костей было весело, взбалмошно, уютно, нежно – по-разному. А с Германом было, ну, наверное, будоражаще-опасно, но... ненадёжно. Совсем как он сам рассказывал ей – слишком переменчиво, от страстно и шикарно до рав-

нодушно-презрительно, в зависимости от его сиюминутных желаний.

Хотя это тоже будоражило, разжигало самомнение, рождая самонадеянную мысль: уж со мной-то всё непременно будет по-другому.

Ага. Вон Дина тоже так же считает.

Для себя всегда выбираешь чудесные исключения, и они, конечно, случаются. Но почему-то обычно не с тобой.

Ещё с Костей было легко и понятно. И ей нравилось, именно так, именно с ним. Чтобы не задумываться каждую секунду над тайным значением очередного жеста, очередного слова, чтобы обо всём догадываться с одного взгляда, чтобы мыслить и жить на одной волне, чтобы даже если ничего не делать, а просто находиться вместе, всё равно хорошо. А с Германом...

У Саши даже представить не получалось, о чём с ним разговаривать. Большинство фраз, которые произносил Герман, были красивыми, но какими-то искусственными, будто бы подготовленными заранее путём тщательного и расчётливого отбора специально для того, чтобы вызывать нужные чувства у девушек и женщин. Хотя, скорее всего, так и есть. Но Саша была, наверное, слишком странной, и на неё это не действовало. Нестандартно-неправильной, бестолковой. Короче, идеальной подругой для такого парня, как Костя Даньшин.

Выбор сделан давно, и нет смысла чего-то менять.

Она бросила последний взгляд в перспективу ясного безоблачного весеннего неба над крышами домов и развернулась, привлечённая посторонним звуком. Варя вошла в кухню, причём в сопровождении до невозможности знакомой мелодии.

– Вот, – протянула Саше её звучно голосащий мобильник. – Костик твой объявился. Видимо, что-то почувствовал, заволновался, решил позвонить. Держи.

На экране действительно белым на чёрном сияла надпись «Костя». Саша мазнула пальцем по значку соединения, поднесла телефон к уху, произнесла негромко:

– Да.

И в ответ, конечно, прозвучало уже ставшее привычным:

– Саш, привет!

Костя тоже никогда не упускал возможности лишний раз произнести её имя.

Он был старше, хотя тоже учился на втором курсе, просто до поступления отслужил в армии, и он тоже приехал из другого города.

В принципе нет ничего невероятного в том, чтобы весь первый курс прожить в одной общежитии да так и не узнать о существовании друг друга – факультеты же разные! – и познакомиться только на летних каникулах во время общеуниверситетского турслёта. Всего лишь познакомиться, опять ни о чём не заподозрив, ни на что не рассчитывая, и потом ещё время от времени пересекаться в общих компаниях с теми

же перспективами.

Разве что постепенно начинали появляться смутные подозрения и мысли: «А вот если бы... с ним. Ну он же вроде ничего. Как будто. Но... даже не знаю. Он же тоже не торопится проявить инициативу. Не факт, что я ему нравлюсь. Да и он мне. Хотя... скорее, нравится. И если бы он... тогда... вполне возможно. А почему бы и нет? Или ещё подумать? До следующей встречи... если она состоится. А если не состоится, то и ладно».

Вроде и в тот раз ничего не предвещало, просто валили толпой по улице, не торопясь расстаться, обменивались впечатлениями после очередного общего мероприятия, кажется КВНа, постепенно разбиваясь на группки поменьше. Кто-то сразу ломанулся домой, кто-то решил прогуляться.

Саша с Варей оказались в компании человек на двадцать, в основном общежитских, брели самыми последними, болтали. Сначала, кажется, впятером, помимо них и Кости, был ещё его сосед по комнате Олег Ошмарин и какая-то девушка. Потом уже втроём, а ещё позже Варю кто-то позвал, и она ускакала вперёд, опять влилась в общую толпу, оставив Сашу наедине с Данышиным, возможно, даже специально.

Теперь они шли позади остальных только вдвоём и, наверное, с каждой минутой отставали всё больше. Костя рассчитано замедлял шаг, иногда даже останавливался на несколько мгновений, и тихонько уводил в сторону.

Нельзя сказать, что Саша до последнего ничего не заме-

чала. Очень даже замечала, просто её это устраивало. Она даже нарочно проговорила, делая вид, что высматривает исчезающую вдали компанию:

– Может, догоним? А-то мы так совсем остальных потеряем.

Костя опять застыл на месте, озадаченно свёл брови, поинтересовался с большим сомнением:

– А они нам очень нужны?

Саша решительно мотнула головой.

– Нисколько.

Костя резко выдохнул, и опять в его вопросе читалось сомнение, только уже другое: а вдруг он неправильно понял, услышал то, чего нет, потому что очень хотел.

– То есть ты не прочь? Да? Со мной.

– Что, с тобой? – прикинулась совершенно непонимающей Саша.

– Встречаться. Быть. И-и... вот.

Он приблизился к её лицу, легко коснулся губами её губ.

Она не ожидала, что он вот так сразу, просто подумать не могла. Потому что: «А что ж не раньше? Так долго тянул, только намекал на симпатию и то не слишком явственно». Потому что: не похоже, на него, на того, каким он всегда представлялся – излишне предсказуемым, излишне простым, излишне беспечным. Но не возникло ни неприятия, ни возмущения. Наоборот, показалось совершенно естественным, тем, чего как раз не хватало. И когда Костя чуть ото-

двинулся, Саша сама потянулась к нему.

Снова – мягкое касание губ, ненавязчивое, будто первые неуверенные слова при знакомстве, осторожное, но всё же откровенное. Костя нашёл Сашины ладони, взял в свои, сжал, немного отстранился, выдохнул:

– Сашка.

Словно составил, связал в единый образ все свои чувства и ощущения, сделал их реальными, дал им имя. Её имя.

– А я всё не решался. Думал, ты меня не воспринимаешь. Как парня. Ну максимум – вечная френдзона. Во дурак. Столько времени зря.

– Костя! – произнесла Саша с лёгким осуждением. Не слишком ли он вдохновился лёгкой победой?

– А? – Костя без лишних объяснений догадался, что она имела в виду, раскаянно потупился, чуть переигрывая, забормотал: – Ну-у да. Ну-у, я... Это просто от радости. Увлёкся. Саш, – он заглянул в глаза, встревоженно, с вопросом: – Ну мы же теперь вместе, да?

Вместе. Вот уже почти два месяца. Хотя частых встреч не получалось – учёба, подработка. Саша при возможности делала промо-материалы для рекламы в интернете, а Костя работал грузчиком в магазине стройтоваров. Хотя внешне по нему и не скажешь. Он довольно высокий, но не крупный, не накачанный, обычный. И всё равно сильный – Саша точно знала.

Они потому и домой на майские праздники не поехали, и Варя кстати тоже. Но она исключительно из-за того, что слишком много всего накопилось перед концом семестра: курсовая, пара проектов, реферат. А Саша ещё и ради Кости, а он ради неё, чтобы наконец-то провести вместе несколько дней, встречаясь нормально, не урывками.

Ещё и погода такая установилась, по-настоящему весенняя, даже почти летняя: солнечно, ясно, тепло, воздух замешан на ароматах дорожной пыли, свежей листвы, цветущей черёмухи, и куртку лучше не застёгивать, потому что и так не холодно, временами даже жарко. Самое то для прогулок.

Просто идти, держась за руки или обнявшись, болтать, дурачиться, целоваться украдкой, ощущать обжигающие прикосновения ладони, тайком пробравшейся под кофту, тесно прижиматься бедром. А если вдруг захочется посидеть на случайно попавшейся скамейке, несмотря на то, что свобод-

ного места достаточно, устроиться у Кости на коленях, обхватить за шею, медленно и нежно водить пальцем по краешку уха и снова чувствовать под кофтой ладонь, более уверенную и осмелевшую, а в ответ тихонько улыбаться, принимая происходящее маленьким секретом, недоступным всем остальным.

Хотя, возможно прохожие и подозревают что-то, замечая их сидящими вот так, но точно не знают, и уж конечно не догадываются, как реагирует Сашино тело на эти потаённые ласки. И, наверное, даже Костя не догадывается, вопросительно заглядывает в глаза.

Но секрет не только в этом. Ещё и в самом Косте. Потому что, Саша уверена, лишь она одна знает его не такого, каким он кажется при поверхностном знакомстве, каким видят его многие, например, Дина – простовато-наивным абсолютно лишённым серьёзности клоуном, от которого не дождёшься ничего особенного, помимо вечных улыбок, шуточек, дурачеств и готовности над всем поржать. Конечно, оно всё тоже есть, и хорошо, что есть, но существует и много другого: и спрятанная за легкомысленностью надёжность, и решительность, и манящая чувственность, и нежность, и подкупающая открытость. Но и правда лучше, что другие об этом понятия не имеют. Пусть не замечают, если хотят. Оно будет исключительно её – Сашино.

Брели вдоль реки, не по набережной, по которой обычно чинно прогуливаются все порядочные люди, а прямо по бе-

регу у кромки воды, держась за руку, чувствуя, как песок мягко проседает под ногами, и хотелось снять кеды, пройти по нему босиком, будто уже лето. А Костя вдруг шагнул широко, оказался впереди, резко развернулся к Саше лицом, загораживая дорогу, проговорил почему-то растерянно:

– Саш, – и всё, замолчал.

– Что?

– Саш, – повторил он, закусил нижнюю губу.

– Ну что?

Она подумала, сейчас он её поцелует. Тут можно и не украдкой, народу никого, и реально хочется и даже уже представляется, чувствуется заранее.

– Ну, – Костя не приблизился, а, наоборот, отступил на шаг, потом и вовсе попятился, на ходу развернулся к реке, торопливо зашагал к воде и дальше – в воду.

– Костя! Ты чего?

Он оглянулся, загадочно посмотрел исподлобья. Саша следила за ним с открытым ртом, с изумлённо приподнятыми бровями. А он всё шёл и шёл, вода уже выше колена.

– Костя!

Он остановился, запрокинул голову, проорал в темнеющее небо:

– Я люблю мою Сашку!

А потом застыл неподвижно, словно дожидаясь ответа. Не от Саши, сверху. И, возможно дождался: увидел, услышал, почувствовал, понял. Развернулся к ней лицом и опять сто-

ял, смотрел на неё и улыбался – рот до ушей. А улыбка была такая довольная и дурацкая-дурацкая. Хотя и у неё наверняка сейчас точно такая же.

– Костя, ты-ы-ы, – она замотала головой, наблюдая за его возвращением на берег, – чок-ну-тый.

Он хмыкнул, произнёс подходя:

– А ты только что это поняла? – Притянул Сашу к себе, наклонил голову, упёрся лбом в её лоб. – Но вообще, согласен, – заявил он на полном серьёзе. – Возможно, раньше было не столь заметно. А сейчас гораздо очевидней. И это всё из-за тебя. Ты же, надеюсь, слышала? Ну а если не совсем поняла, я объясню. – Костя сильнее сжал её плечи. – Моя Сашка – это ты. И я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю, – отозвалась Саша и опять думала, что сейчас-то он непременно её поцелует, и уже не ждала, потянулась сама, но Костя дёрнулся, отодвигаясь, переступил на месте, тряхнул ногой.

– Блин! Мокро-то как.

Оба посмотрели вниз, на его потемневшие от впитавшейся воды брючины, на кроссовки, облепленные песком.

– Так зачем ты в реку полез? – спросила Саша, а Костя невозмутимо дёрнул плечом, ответил:

– Над водой звук разносится лучше. Слышнее.

– Кому слышнее?

– Всем. Пусть знают.

Саша вздохнула, улыбнулась, произнесла одновременно

иронично и восторженно:

– Ты не просто чокнутый, ты супер-чокнутый.

Костя и тут не смутился, заявил уверенно:

– Но тебе же нравится. – И опять переступил на месте, отчего в кроссовках громко хлюпнуло. – Но реально мокро.

– И холодно наверняка, – сочувственно добавила Саша, опять прижимаясь к его боку. – Костя, ну ты вообще.

– Зато ты навсегда запомнишь, – довольно заключил он, обхватил рукой.

– Я бы и так запомнила, – заверила Саша, сообщила по секрету: – Не настолько часто мне в любви признаются.

А Костя только хмыкнул.

– Так – фигня. Каждый может.

– А тебе обязательно надо по-особенному?

Он подтвердил, ещё более довольный:

– Угу.

– Ну и как ты теперь до общаги поедешь? – Саша посмотрела, не на реку, в противоположную сторону, откуда доносился привычный шум улиц, где в быстро сгущавшихся сумерках ярко мерцали электрические огни. – Представь, что люди подумают.

– Да плевать. Пусть думают, что хотят, – легко отмахнулся Костя, а потом добавил, тихонько и почему-то осторожно: – А если ты поедешь со мной, так совсем без проблем.

– С тобой? Зачем? – озадачилась Саша. – И далеко ведь. Так и будешь хлюпать всю дорогу, как лягушонок? За тобой вон мокрые следы остаются. Лучше, знаешь, – предложила: – пойдём к нам. Тут же рядом. Просушим тебя как-нибудь.

– Ну-у, к вам так к вам, – согласился Костя, правда, Саше показалось, без особой охоты. Или реально показалось? Он же первый потянул её за собой вверх по пологому травяному склону.

Квартира встретила полной тишиной. Зашли в прихожую, Саша захлопнула дверь, и, пока она не щёлкнула выключателем, они на несколько мгновений оказались в темноте.

– А Варя где? – заметив, что во всей остальной квартире тоже не горит свет, спросил Костя.

– Её не будет до утра, – пояснила Саша. – Ей знакомая подработку предложила на один раз. В каком-то торговом

центре в сетевом магазине одежды надо инвентаризацию товаров провести. Или учёт.

– А почему ночью-то? – удивился Костя, и Саша опять пояснила:

– Чтобы днём не закрывать. Там, оказывается всегда так.

– А. Я не знал.

– Да я тоже не знала, – кивнула Саша. – Пока Варя не рассказала. – Указала рукой на нужную дверь. – Вот, в ванную проходи. Там батарея на стене горячая, можно сушить.

А сама направилась в комнату, верхний свет включать не стала, только бра на стене, чтобы не так бросался в глаза творческий беспорядок. Ещё и подсветка в аквариуме таинственно сияла. Достаточно.

Костя явился через пару минут, прошлёпал босыми ногами, увидел аквариум и, конечно, сразу направился к нему, подошёл, наклонился, рассматривая рыбок в глубине.

– Ничего себе, какие. – Он осторожно постучал по стеклу. – А у нас никаких животных дома не было. Неудобно. Переезжали часто.

Саша пристроилась рядом.

– Это же тоже не мои. Хозяйкины.

Яркие жёлтые цихлазомы с чёрными прерывистыми полосками вдоль боков, мерно шевеля крупными полупрозрачными плавниками, сонно висели в воде, лишь иногда лениво переплывали с места на место.

– А так дома у меня кошка есть.

Она повернулась к Косте, взгляд упал на мокрые брючины.

– Ты штаны-то почему не снял? Их же тоже сушить надо.

Костя ответил не сразу, сначала выпрямился, отступил назад, подальше от аквариума, ухватил Сашу за локоть, притянул спиной к себе, обнял, проговорил негромко, почти в самое ухо:

– Хочешь, чтобы я разделся? – помедлил немного и всё-таки добавил, шёпотом: – А ты? Ты разденешься?

Сашу обожгло изнутри, но не слишком сильно – лёгкая будоражащая волна тепла пробежала по телу. И вовсе не от внезапности, не от стыдливости, не от возмущения. От волнения, от ясного понимания и принятия.

Она не возражала. Только ей нужно немного времени, ещё немного времени. И это хорошо, что не видно лица, что не надо говорить, глядя прямо в глаза. И даже можно, запоздало догадавшись, спросить:

– Так ты потому хотел, чтобы я с тобой в общагу поехала?

– Ну-у, да, – Костя не стал скрывать. – Ошмарин домой укатил. Так что я сейчас в комнате один. Но здесь даже лучше. – Он касался губами её волос, и она не только слышала, а ощущала его слова. – Саш. Если ты против...

– Я... – Саша положила ладони на обнимавшие её руки, – я не против, только... у меня ещё не было. Ни разу.

– Боишься?

– Нет, не совсем. – Говорить было не так уж и просто,

именно по этой причине: – Наверное, больше стесняюсь.

Костя теснее прижал Сашу к себе, хмыкнул.

– Ну ты даёшь. Как можно меня стесняться? Я ж свой. – Подумал секунду и исправился: – Твой. Так что не волнуйся зря. И вот ещё, – он вытащил из кармана брюк и продемонстрировал маленький шуршащий квадратик упаковки, которую трудно было спутать с чем-то другим. – У вас в ванной в шкафчике лежат.

– Это Варя, – сконфуженно пробормотала Саша. – Любит всё предусмотреть. На всякий случай.

Она даже помнила, как на вопрос «Зачем это тут?» подруга назидательно изрекла: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Вот и девушке лучше самой позаботиться, чтоб без ненужных последствий, с учётом что основная часть этих последствий достанется ей».

– Варя – молодец.

Саша что-то неопределённо промычала в ответ и спросила:

– А зачем ты мне его показал?

– Чтобы ты меньше беспокоилась, – легко объяснил Костя, а Саша тихонько вздохнула, насупилась:

– Зато теперь смущаюсь ещё больше.

– Это не надолго, – Костя прижался к её волосам щекой, – быстро пройдёт. – И опять прошептал в самое ухо: – Клянись, потом будет не до этого.

Если бы у Саши была нормальная возможность, она бы

обязательно пихнула его в бок, не сильно, локтем или кулаком, а сейчас просто выдохнула с осуждением:

– Кость, ты даже сейчас ржёшь.

Хотя и улыбалась при этом.

– Я ржу потому что...

Он уже не обнимал за плечи, одной рукой отодвинул волосы, открыл шею, водил по ней пальцами, ладонь другой положил на талию, проник под кофту, под пояс джинсов и говорил медленно, делая паузы, переводя дыхание, и каждое его слово, каждое прикосновение отзывалось в Саше чувственным трепетом.

– Я очень тебя хочу. А ты... так близко. И никого кроме нас. И мне сложно... стоять и болтать. До сих пор... только болтать. Сашка!

Костя развернул её лицом к себе, заглянул в глаза, а потом взял за руку, подвёл к кровати. Прежде, чем она села, стянул с неё кофту, а с себя – футболку, отбросил в сторону, опускаясь рядом, надавил на плечи. Саша послушно легла, подставила губы, жадно вдохнула жар вожделенного поцелуя.

– Я правда тебя люблю, – прошептал Костя, оторвавшись от её губ. То ли ещё раз подтверждая собственное чувство, то ли убеждаясь, что всё на самом деле происходит.

А смущение действительно пропадало, растворялось в томительном мареве желания, бесследно исчезало, словно снималось вместе с одеждой, а когда Костины губы, осыпав поцелуями шею, спустились к её груди, Саша не сдержалась и

тихонько застонала. От удовольствия, от нетерпения.

Варя вернулась раньше, чем они успели проснуться, ввалилась в комнату, потягиваясь, произнося:

– Как я спать хочу.

И тут же застыла.

– Здрасьте.

Саша решила, что вообще не будет никак реагировать, а Костя приподнялся на локте, произнёс сонно:

– Я сейчас уйду. Мне ещё на работу надо.

– А-а-а... ну-у-у... – протянула Варя и попятилась. – Ты особо не вскакивай, подожди. Я пока на кухню.

Она торопливо смылась из комнаты, на кухне грохнула чем-то. Костя тряхнул головой, сбрасывая остатки сна, откинул одеяло. Когда перебирался через Сашу, наклонился к ней, поцеловал, спросил:

– Может, сегодня всё-таки лучше ко мне, в общагу? Там сейчас почти никого.

Она поняла, что не желает дожидаться вечера, что даже близкое присутствие подруги её почти не смущает. Обхватила Костю за шею, заставила опять наклониться, голодно приникла к губам.

– Сашка. Саш. Я же так не уйду, – раскаянно прошептал тот. – И твоя Варя нас приберёт. Прямо в процессе.

Она не выдержала, прыснула от смеха, отпустила его.

Костя сел на край кровати, произнёс, в спешке натягивая одежду:

– Я тебе позвоню, как только освобожусь. Хорошо?

Саша кивнула. Говорить совсем не хотелось, хотелось по-прежнему общаться жестами, движениями, прикосновениями. А Костя застыл на месте, видимо, борясь с противоречивыми стремлениями: ещё раз поцеловать на прощание да так и не добратсья до двери или всё же уйти. Она вжалась щекой в подушку, не отводя от него взгляда, зашевелилась, натянула одеяло на подбородок.

– Сашка. Чёрт, Сашка. Ну как я так пойду?

В кухне опять грохнуло.

– Ну всё. Хорошо. Пока. До вечера. Ладно? – Костя говорил, продвигаясь спиной к двери.

– Ладно. Пока, – всё-таки произнесла Саша, но, кажется беззвучно.

Костя скрылся в дверном проёме, а через минуту крикнул из прихожей:

– Я ухожу. Дверь просто захлопнуть?

– Да! – молниеносно отозвалась Варя.

Она притопала в комнату, плюхнулась на свой диван, посмотрела на Сашу.

– Я сейчас лучше лягу спать, а поговорим потом. Если, конечно, получится заснуть, – проворчала, укладываясь, и опять посмотрела на Сашу. – Надеюсь, ты не станешь мне рассказывать, насколько твой Данышин хорош в постели.

– А когда я что-то такое рассказывала? – озадачилась Саша.

– Не ты. Дина. – поправила Варя и вольно процитировала: – «И тачка у него круть, и прочие части тела». – Усмехнулась в потолок и снова обратилась к собеседнице. – Да, кстати. И как же теперь Герман?

– А что с ним?

За всё время Саша о Германе даже не вспомнила, да и сейчас не слишком-то хотелось, но Варя приподняла голову, подпёрла её согнутой в локте рукой.

– Вдруг он до сих пор на что-то рассчитывает? Как подкатит с очередным букетом. А ты тут... с Костиком.

– Ну так и всё, вопрос исчерпан, – заключила Саша и сразу напомнила: – А ты же не болтать, спать собиралась.

Варя поджала губы, глянула многозначительно.

– Опять прячешься.

– Я не прячусь, – уверенно возразила Саша. – Просто мне до него дела нет. Так зачем о нём думать и говорить?

Действительно – зачем? Она и не думала, и не говорила, ночи проводила с Костей в общежитии, пока не закончились выходные, и те, кто уехал домой не начали возвращаться. Однажды, выйдя утром из блока, столкнулись с девушкой.

– Мил, привет! – едва увидев её, воскликнул Костя, не промедлив ни секунды, не задумавшись, словно та была органичной частью общежитского быта, привычной составляющей, которая вызывала автоматическую реакцию. И девуш-

ка уже собралась ему ответить, шевельнула губами, но зависла, наткнувшись взглядом на Сашу, выдохнула что-то вроде вопросительного «А?» да так и застыла с приоткрытым ртом.

Она была выше Саши на полголовы и фигуристей, к тому же, будто на контрасте, светловолосая, но не классическая глянцева блондинка, а как раз наоборот, вся такая уютно-милая, домашняя, опекающая. Наверняка ещё и староста в своей группе, а в общаге добрая хозяйшкa, к которой всегда можно обратиться, и которая непременно поможет, не важно в чём: накормит умирающего от голода соседа, одолжит сахара или чая, даст списать контрольную по какому-нибудь сопромату, выслушает слёзную историю несложившихся отношений, успокоит и пожалеет.

Спустя пару секунд она всё-таки пришла в себя, даже поинтересовалась у Кости:

– Ты уже приехал?

– А я никуда и не уезжал, – ответил тот, оглянувшись на Сашу, не сдержал красноречивой улыбки, и, такое впечатление, собрался счастливо выложить перед случайной встреченной соседкой вот прямо всё: «Это Саша. Моя девушка. Я её очень люблю. И она любит меня. Потому мы сейчас и вместе. Если ты вдруг не поняла».

Хорошо, что Мила опять не впала в ступор, произнесла:

– Ага. Ясно. – И поспешно добавила: – Я пойду. Мне некогда. Надо... тут... – она замаялась, не в состоянии придумать что-нибудь вразумительное, беспомощно повторила: – На-

до... – Но, так и не договорив, рванула с места вдоль по коридору, а они двинулись в противоположную сторону.

– Кто это? – спросила Саша, оглянувшись. Потому что действительно было любопытно.

– Мила? – уточнил Костя. – Девушка с факультета. Живёт в соседнем блоке. – Он беззаботно махнул рукой.

Похоже, он не замечал, вот абсолютно не замечал, как Мила на него смотрела, и не догадывался, отчего её сначала парализовало, а потом она чересчур стремительно сбежала. Зато Саша сразу догадалась. От того, что эта девушка с факультета, живущая в соседнем блоке, к Косте равнодушна, очень-очень равнодушна. И не трудно представить, что она почувствовала, встретив того вместе с Сашей утром в общежитии. Чем они тут занимались, не понять можно только в случае, если уж совсем-совсем-совсем не хочется видеть правду. Но Саша не испытала ни сочувствия, ни торжества, ни ревности, хотя и спросила:

– У тебя с ней что-то было? Раньше.

– У меня? С ней? – проговорил Костя изумлённо, будто она предположила нечто совершенно невероятное. Явное свидетельство: шансов у Милы ноль. – С чего ты взяла?

– Ни с чего, – Саша качнула головой. – Просто выясняю. На всякий случай.

– На какой? – опять изумился Костя. – Саш, ты что? Мне никто не нужен, кроме тебя.

Собственно, ради этого и были всё её вопросы: услышать

ещё раз, если не признание в любви, то что-нибудь подобное.
Потому что ей кроме него тоже никто не нужен.

Выходные закончились так: Саша вернулась домой, точнее, в оставленную на её попечение квартиру, и услышав, как хлопнула дверь, в прихожей мгновенно нарисовалась Варя, держа в руках красиво упакованную подарочную коробку, сообщила многозначительно:

– А это тебе.

– Что это? – снимая кеды, поинтересовалась Саша.

– Должно быть, сюрприз, – воодушевлённо изрекла подруга, озадачив ещё сильнее.

– А в честь чего?

– Ну я-то откуда знаю, – заявила Варя, пожала плечами. – Это ты у Германа спрашивай.

– У Германа? – вот такого Саша никак не ожидала. – Он, что, приходил?

– Нет, – подруга мотнула головой и доложила: – Приходил курьер из службы доставки.

– Так, может, это и не от Германа, – с надеждой предположила Саша.

– Ага-ага, – Варя усмехнулась. – Опять от Даньшина? Лично в руки, пока был с тобой, он отдать не мог. Решил выделаться. Только вот с его материальным положением действительно в сто раз проще в реку влезть или, вон, – она указала в сторону хорошо видного из прихожей кухонного ок-

на, – на дерево.

– Больше не расскажу тебе ничего, – Саша насупилась, потом ещё раз глянула на свёрток, на подругу: – Ты бы не брала. И пусть бы курьер назад нёс.

– Думаешь, я не предлагала? – воскликнула Варя и чётко отрапортовала, явно повторяя чужие слова: – Но он всего лишь курьер и в его обязанности входит только доставка по нужному адресу, а по всем возникающим вопросам следует обращаться в офис. Телефон в накладной. – Следом добавила, уже от себя: – Ну и я здесь как бы тоже не очень в деле.

И опять Варя была права, хотя Саша не отказалась бы, если бы ситуация как-нибудь разрешилась без её участия. Если честно, она предполагала, что Герман уже забыл о её существовании, он ведь все праздники о себе не напоминал. Конечно, она не расстраивалась из-за этого, не переживала. Как раз наоборот. А он, значит, просто переживал или был занят, и не собирался оставлять своих попыток завоевать Сашино расположение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.